

Анна Демидова

Дневник одной мамы

Рисовала Ирина Кондрашова

Анна Демидова

Дневник
одной мамы
(с картинками)

Москва
Издательство
образ
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Д 30

izdaiknigu.ru | издайкнигу.рф

Художник **Ирина Кондрашова**

Д 30

Демидова А. А.

Дневник одной мамы: повесть. — М.: Издательство «ОБРАЗ», 2013. — 90 с.: ил.

ISBN 978-5-906009-26-5

«Дневник одной мамы» — это невыдуманная история дружной московской семьи из шести человек (не считая пернатых, четвероногих и пушных — да-да! — её членов), рассказанная молодой многодетной мамой. Книга наполнена неиссякаемым оптимизмом, жизненной энергией и большой любовью, которая передаётся читателю с первых же страниц. Удивительно лёгкая, светлая и... окрыляющая книга!

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Книга печатается в авторской редакции.

Возрастные ограничения: 16+.

ISBN 978-5-906009-26-5

© Анна Демидова: текст, 2013
© Ирина Кондрашова: рис., 2013
© ОБРАЗ: оформление, 2013

Глава первая

1

Каждую ночь я летала во сне.

Мои руки широко расставлены, волосы развеваются на ветру, и я лечу под облаками, отчетливо видя каждую травинку на земле. Что это? Это свобода! Свобода моего духа! Свобода моего тела!

Зрение острое. Движения естественны. Словно летать — это и есть человеческая природа! Да, Господи! Мы не птицы! Мы даже лучше!

Грудь разрезает воздух. Душа открыта! Мне четыре года, а я такая взрослая, независимая, сильная! Вся жизнь в моих руках! Я всё могу! Всё получается!

Сальто вперед. Сальто назад. В воздухе это волшебно! Не-за-бы-ва-емо! А

это — птицы (в стороне пролетает стая), я могу обогнать их, если полечу по ветру! Так и есть! Вот уже я, а они видят меня и уходят левее.

Я часть их. А они — часть меня. Мы один мир. Как Ты и хотел, Отец!

Счастье!

Я летала каждую ночь, и каждое утро я не хотела вставать, и каждый вечер я радостно засыпала, чтобы снова летать. Там, во сне, была другая жизнь — более настоящая, чем эта. И я была другой. Тоже настоящей. Там не было страшно. Там не надо слушаться. Там мне не четыре. Мой возраст не важен. Я — личность.

Я могу кричать! И никто не качает головой. Я могу летать! Я могу делать всё, что я хочу! Я свободна! Господи, я совершенно свободна! Есть только я и мир. И я люблю его, а он любит меня. Я часть его! И мне нравится быть его частью!

А сейчас, когда мне уже тридцать один, и я давно не летаю во сне, и так и ни разу не летала наяву, мне хочется спросить вас, люди: *люди, а вы летали?*

Вспомните!

Вы наверняка летали! Я думаю, мы все, все так летали...

И внутри всё сжимается.

Больно. Как же так! Почему? Почему сейчас, когда мы все стали умнее, опытнее, чем тогда в четыре, мы все... перестали летать?

Скомкались, ужались, забыли и... согласились на *эту жизнь. Ненстоящую и нестоящую.*

2

Я помню, я была уже школьницей. Наверное, это закончился первый класс. Мы шли с родителями по улице, светило солнце. Дул ветер. Было лето. Я, как всегда, блуждала внутри себя, в своих мыслях, периодически отвлекаясь на изломы в асфальте и перепрыгивая через них.

Мама держала меня за руку, и я чувствовала, она хочет мне что-то сказать. Но рисунок асфальта отвлекал меня от неё, и мысли уносили меня совсем далеко. Это были даже не мысли. Это так принято говорить — *мысли*. На самом деле, голова молчала и давала мне возможность чув-

ствовать и собирать внутри себя всё, что я только могу этим чувствованием зацепить.

Это было моё естество.

— Знаешь, Анюттик, не всё оказывается таким, как мы думали раньше, — начала она. — Сейчас стали многое печатать в газетах, и мы с папой потрясены тем, что мы читаем. Помнишь, мы перед школой учили с тобой поэму про дедушку Ленина? Не всё так, как мы думали. Это, наверное, сложно для тебя. Он был *другим* человеком, — звучал непривычно взволнованный мамин голос.

Она боялась, что я буду переживать. А я слушала её внимательно и напряжённо, хотя Ленин мало увлекал меня. Я больше волновалась за маму. Она подбирала слова. Это было важно для неё — поговорить со мной.

Слов её я, конечно, не помню. Но я поняла тогда, что Ленин оказался не таким добрым и сказочным, каким мы себе его представляли. Если честно, мне даже стало легче. Я боялась этого человека. Его авторитета. Его портретов и памятников. Его самого на Красной площади. Я тогда ещё не знала, что он был малень-

кого роста, картавил и даже не имел своих детей.

Но, с другой стороны, ведь он был для меня образцом настоящего большого человека, доброго и справедливого, а теперь я поняла, что это не так. Как же так?.. Что-то ломалось.

Таких людей не бывает, или это он — не тот человек? Меня придавило этим вопросом изнутри. Я так испугалась, что полностью отвлеклась от всего, что происходило вокруг.

— Вдруг, всё-таки вдруг, Господи, — ну, пожалуйста, если Ты есть, пусть так будет!, — есть человек или несколько людей, которые *по-настоящему* хорошие, *по-настоящему* добрые, необычайные и на многое способные! — кричало что-то внутри меня.

Что-то огромное, моё, но мною непонятое, кричало так, что я, не имея возможности преобразовать этот крик в словоформы, только ловила волну и старалась не утонуть в ней. Волна бушевала и накрывала внутри всё, что только там могло быть. Весь мой маленький детский мир с мечтами о новых сандалиях и белых носках с оборкой, конфете после

ужина и умением летать, прыгать до макушки дерева и делать сальто на асфальте, а ещё дружить с лучшим мальчиком на свете, — всё это растворилось. И только могучая волна какой-то огромной победы, огромного счастья и титанического труда разливалась внутри.

Что это?

Мама продолжала что-то говорить. Я не слышала её и не вслушивалась. Это было невозможно. Но моё ухо зацепило два слова: *возрождение России*.

Возрождение России. Что это такое? Я не знала. Не знала словами. Но знала внутри. Оно, большое и очень определённое, поднялось внутри и каким-то образом влилось в мою волну, окрасив её.

Возрождение России. Я вдруг представила перед собой газету. Там статья. И фотография людей, приложивших все свои силы для возрождения страны. Они стояли вместе, у них были добрые светлые лица. Они улыбались. Я прямо увидела её перед глазами. Людей было на ней немного. Я поняла, что они не профессионалы, не врачи и не спасатели, а просто люди. Друзья. Просто очень-очень

хорошие люди. Я даже не знала, что они сделали. Построили мост? Школу? Изобрели? Открыли? Спасли? Вроде и не спасли. Ведь точно не вытащили никого из реки, из пожара, не ныряли в прорубь, но было ощущение, что они сделали что-то невероятное, что-то такое, что не смог сделать до них никто. Что-то очень большое и настоящее! И они, правда, герои!

Я смотрела перед собой сквозь воздух и почти плакала. Слезы текли сами. Их было невозможно остановить.

Мама обернулась на меня.

— Анютик...

— Нет, мам, это не то. Другое.

— Анютик, не плачь. Всё будет хорошо!

— Мам, я знаю. Я знаю...

Она обняла меня, и я прижалась. Сильные рыдания вырвались у меня из груди. На весь мир я была готова кричать, сама не зная почему. Я была готова в тот миг всё отдать, чтобы только постоять с этими людьми рядом. Никогда не есть конфет. Никогда никаких сандалий. Только лишь бы познакомиться с этими людьми. Посмотреть на них. И, если вдруг можно, то пожать им руки. Пожать и умереть от счастья...

А если бы ты могла быть одной из них?
Нет, конечно, нет... Я никогда... Не смогу...

Мне стало стыдно-стыдно... За свой эгоизм. Как я так могла подумать?! Нет! Моя гордыня!

И это чувство стыда долго ещё жило во мне. И долго ещё стояла перед глазами та фотография из газеты. И прошло уже много лет. А я до сих пор с содроганиями в груди вспоминаю тот день. И могу плакать. И плачу. И мечтаю. И хочу. И стыжусь.

И молюсь.

3

— Клён! Клён! Клён!

— Клён! Клён! Клён!

Зачем они меня так дразнят? Я Кленяева. Это моя фамилия. И это неплохая фамилия. Отчего же мне так больно? И почему им весело, когда мне больно?

Мне часто больно. Или непонятно. Но внешне я всегда спокойна. Мне сложно в школе. Я не люблю читать букварь и учебник. И не люблю математику — вообще не понимаю, зачем она. У меня нет талантов. И я совсем не хочу ни с кем болтать.

Ещё я самая высокая. И от этого очень тяжело. Я не люблю свою школьную форму. Свой класс. И свою учительницу. Обычно мне всё очень серо, изредка — остро и терпко.

Что я люблю? Сидеть за своим письменным столом. Он большой и лакированный. Это стол моей бабушки Риммы. В нём много ящичков и отделений. В них живут мои тетради, мои камушки с дачи, стёклышки с моря.

Ещё я люблю идти пешком по Сущёвскому валу и собирать кленовые листья. Это можно только осенью. В другое время я просто наблюдаю за прохожими.

Ещё я люблю картинки в книжках. А лучше — фотографии. Мама дала мне «Четвёртую высоту», и я читаю её за поем. Моя первая книга¹. Она про девочку, но не такую, как я — про весёлую, смешную и очень отважную. Там есть её настоящие фотографии. Книга про человека. Живого. Настоящего. Первый раз.

Ещё я пою, когда мою посуду или стою на последней ступеньке трамвая. Пою

¹ Книга Елены Ильиной.

всякие глупости, сочиняя на ходу. Но мне нравится! Хотя люди выпучивают глаза. Зачем они это делают? Воспитывают меня своим видом. А если у них не выходит, то сердито бурчат под нос.

Я хочу быть взрослой и выйти замуж. Я мечтаю об этом каждый день. Мне кажется, что я не буду с ним молчать, терпеть и наблюдать. Будет как-то по-другому, но я пока совсем не знаю как. *Будет счастье!* — что-то не моё нашёптывает внутри. *Или это и есть — моё?*

Ну, я и так счастлива.

Но с ним будет особенно! У меня, конечно, будет один муж. И я буду спать у него на руках. И он будет гладить мои волосы.

— Клён! Клён! Ты высокий клён! Ха-ха...

Ну, и ладно. Я согласна. По дороге домой специально ищу клёны на Сущёвском. Их там много. И у них красные и оранжевые листья. У какого дерева самые красивые листья? Конечно, у клёна! И я тоже клён... Хорошо. Хорошо...

А потом школьная медсестра нашла у меня после дачи вшей.

— Вшивый клён! Ха-ха! Вшивый клён!

Тут без комментариев. Мир пришлось строить заново. А летать по ночам я стала чаще! Я оттачивала каждое движение в небе. Фляк, бланш, сальто винтом. Да, я могу! Я могу больше, но говорить об этом невозможно. С кем? Да, не с кем.

Молчу. Летаю ночью. Терплю днём. Мне семь лет. А моя мама обнимает меня. Вычёсывает вшей. Мажет волосы керосином и тихо плачет вместе со мной.

4

Тётя Наташа работала учителем истории в школе.

Я, маленькая, часто думала, какие истории она рассказывает своим ученикам.

— Тётя Наташа, а какие истории вы проходили сегодня?

— Истории? — удивилась она.

— Да. Вы же учитель историй.

Тётя Наташа засмеялась, а я смутилась. Что смешного в моём вопросе?

Потом, конечно, всё стало понятно. У тёти Наташи, наверное, целый мир, как на ладони. Она знает о судьбах стольких стран, стольких народов, а все они — переплетённые истории отдельных людей,

которые давно умерли, но когда-то повлияли на судьбу своей страны. Даже дух захватывает!

Я шла домой после школы, тяжёлый рюкзак тянул меня назад, поэтому я сгибалась вперёд, собирая носами сапог огромную кучу мокрого снега, и всё думала.

Эти люди умерли, а мы живём, но знаем о них. Они умерли, даже умерли их дети и внуки, а мы всё помним их. Кого-то любим, а кого-то нет. А кого-то очень не любим.

Я остановилась. Что-то зашевелилось внутри, и стало страшно. Даже очень страшно.

Кого-то не любим. Может быть, даже ненавидим, — продолжалось внутри меня. Да, это может быть плохо, но есть люди в истории, которых мы очень не любим. Я не стала вспоминать их имена.

Наверное, это очень страшно, когда почти все люди на Земле через сто лет после твоей смерти помнят тебя и ненавидят.

Или не любят, — я попробовала смягчить, но от этого уютнее мне не стало. Душа сжалась и продолжала сидеть комочком.

В эту минуту я уже точно знала, что больше всего на свете не хотела бы быть на их месте. Никогда. Господи, пожалуйста, никогда!

5

Что моя жизнь? Мне четырнадцать, заканчиваю девятый класс. Кто я? Обычная ботанка в очках, высокая и очень тихая. Я молчу. Я всегда молчу. Что я могу сказать? Почти всегда нет слов. Одни ощущения.

Мама говорит, что я красавица с глазами-вишнями. Но почему-то, кроме неё, так никто не говорит.

Юлька всегда болтает, она это делает лучше меня. У неё слова сами складываются во фразы. Всё очень просто и доходчиво. Не как у меня. Я теперь даже не пытаюсь открыть рот. Ленка играет на фортепиано, и хотя я тоже играю, она играет совсем по-другому. Пальцы бегают сами по клавишам, нежно касаясь их, словно скользя. Она улыбается, и весь класс заворожённо смотрит на неё. Я же ставлю каждый палец правильно и играю технично, но моё «технично» совсем не такое, как её, поэтому я никогда не играю в классе.

Катька — самая яркая. Сашка — самая модная. Сизова — самая умная. Женька — классная. Анька — добрая. Кетти — маленькая. Ирка — весёлая и очень высокая. Кто я среди них? Я заблудилась и пока не нашлась.

Сижу тихо, мы почти незнакомы. Девять лет в одном классе. Кто вообще придумал эту школу? Мне даже не с кем поговорить. Я пишу. Уже давно я много читаю и пишу в стол. Иногда даю папе. Он улыбается и молчит. Из него слова не вытащишь про мои стихи или рассказы. Мама комментирует.

Я ищу. Ищу себя, и я уже устала. Уже четырнадцать. Пора определяться, а нигде ничто и никто. Вы понимаете меня или это уже сложно? Моим одноклассникам это было сложно.

Мама понимала:

— Потерпи. Всё будет.

— Нету сил.

Мои друзья — Соловьёв, Гумилёв, Толстой, Достоевский, иногда Тургенев, часто Цветаева, Гиппиус, Есенин. Каждое слово — наизусть. Страницы их книг я узнаю по запаху. Они так и живут на столе, не успевая попасть в шкаф.

В конце зимы мама наткнулась на объявление в газете. Вечерний лицей при МГУ набирал учеников 9-го класса. Мы позвонили, приехали, и меня взяли. Так я оказалась там. Оказалась и вздохнула. Я нашла, кого послушать и у кого поучиться. Преподаватели. Ребята. Леон Эдуардович. Антон. Митя. Марина. Катя. Мы подружились.

Я наполнилась. Ту весну я встречала счастливой. Моя первая весна! Ещё бы! Наконец, мне задышалось в этой крошечной духоте! Даже влюбилась. Но это уже другое...

6

Лицей и университет пролетели, как один миг. Один яркий день, в который мне дышалось и жилось целых семь лет. Были друзья. Разговоры. Интересы. Споры. Поиски, библиотека, свидания, улыбки, ожидания, мечты. Всё получалось!

Я стала рыбой в воде.

— Кажется, у неё всё хорошо, — говорила мама на кухне.

— Да, школа кончилась, — отвечал папа. Началась жизнь.

МГУ — это особенная планета. Ту атмосферу ни с чем не спутать. Иногда я

думала, вдруг бы я не поступила. Что тогда? Тогда это была бы *другая жизнь*.

Мне нравилось учиться. Я всё понимала. Не нужно было напрягать мозги, словно я была заточена под это. Ходила в библиотеку, там всегда было что почитать. Что-то ксерила, что-то читала прямо там. Иногда там спала, как и многие другие.

Конечно, была влюблена. Какая студенческая жизнь без поцелуев, ночных прогулок и букетов цветов? Моя любовь была бурной и долгой. Мы глупили, обижали и обижались, но потом опять наслаждались друг другом, смеялись, целовались, гуляли.

А на третьем курсе у меня родилась сестра. Это было очень необычно. Я привыкла быть одна. Я и не знала, что такое двое. И вдруг медсестра в роддоме показывает нам с папой маленькую девочку в пелёнке — и эта девочка наша. С нашей фамилией.

Маша.

Папа в день рождения Маняшки уехал на концерт без флейты, взяв с собой только футляр. Я потом завернула её бережно в большие полотенца и привезла ему к метро.

— Спасибо.

— Не за что, папа.

Папа — звучало уже особенно. Он теперь не только мой папа. Вот это да...

Я же стала почти мамой. Стать сестрой в восемнадцать лет сложнее, легче — мамой. Так и получилось. Я пеленала, кормила, целовала, гуляла. Мама доверяла мне. Я была счастлива.

Я много думала, чувствовала и писала в стол. Подростковые стихи сменились юношеской прозой. За спиной были рассказы, роман о Жанне Д`Арк, сборники новых стихов — уже взрослых, глубоких и не таких дерзких.

Искала работу. Мне была нужна моя работа. Чтобы там тоже, как в воде. Так и вышло. Работа нашла меня сама, и я постепенно попрощалась с детством.

Какое оно было? Несомненно, яркое! Родители — музыканты. Всю жизнь буду помнить запах их костюмерной, где переодевалась мама, множество тканей, платьев, костюмов, вечно работающий утюг и вешалки-вешалки-вешалки, ещё — холодные и гладкие колонны в зале, картины на стенах, длинные перелёты у мамы на руках и дальневосточного краба, выле-

зающего из таза на пол. Всё это стоит перед глазами, словно было сегодня.

Ещё музеи и театры, парки и выставки. Мама водила меня повсюду, куда только могла. Казалось, она любит это больше меня. Так и было! Сейчас я сама всё это люблю. Очень. Таскаюсь повсюду. Как фанатичка, скупаю в «Лабиринте» книги, читаю по ночам.

Ещё помню из детства папину улыбку и запах его рук. Папа — мой отчим, но роднее самых родных! Он всегда был тёплым и мягким. Слушал на кухне музыку и тёр морковь на салат. Битлз, Пинк Флойд, Земля, Ветер и Огонь. Я теперь тоже так делаю на своей кухне. Под ту же музыку.

Спасибо, мама! Спасибо, папа! У меня было всё!

Глава вторая

1

Уже другая жизнь. Взрослая.

Опять лето. Август. Жара. Я одна приехала в кафе — хотела посидеть, помолчать и посмотреть по сторонам. Если посчастливится, то и поревеет немного. Но чтобы никто не видел. Одна.

Но не тут-то было. Пришли люди: друзья, друзья друзей, чужие.

— Эна, это ты? Пошли с нами вниз, будет классно.

— Да, иду...

Иду? Зачем иду?

Знаете же «Пирог» на Дмитровке? Если не знаете, не страшно. Всё кончилось уже давно. Сейчас там другие люди и другая атмосфера. Да и кафе того нет. Тогда — романтика.

Он был чьим-то другом. Мы сидели напротив, он говорил не со мной, а я молча разглядывала его. Это было удобно. Высокий, большой, добрый. Мне было почти всё равно. Внутри всё болело. Но он такой большой и прямо напротив. Глаза сами следили за ним. Он что-то ел. Болтал. Я молчала. Ковыряла вилкой.

Маринка сидела далеко. Все, кто рядом, мне были мало знакомы. Димулька на другом конце стола был весь в центре внимания: девушки, друзья, чувство юмора. Всё при нём. Я смотрела то на него, как он весело проводит время. То на того, кто сидел напротив. Он всех знал. Ему было комфортно. Он тепло улыбался и иногда смотрел с улыбкой на меня. Я не знала, отвечать ему или нет.

Потихоньку народ стал собираться по домам. Темнело. Надо было ехать и мне. Димулька приглашал к себе на шахматы и коньяк. Я не пью коньяк. Шахматы казались сомнительной затеей. Я думала.

— Поедешь на шахматы? — спросил он.

Шахматы? Я не играю в шахматы...

Хотя папа учил меня, и мы играли с ним в детстве. Я что-то помнила.

Согласилась. И когда согласилась, поняла, что я еду не на шахматы, а с ним. Я хочу с ним. Он большой, тёплый и меня тянуло магнитом, хотя внешне он был не в моём вкусе совсем. Что происходит? Внутри всё болит — рассталась с парнем. Снаружи тоже много вопросов — зачем еду? Какие ещё шахматы? Может, домой? Кто он — этот Саша? Может, не стоит?

Но я тянулась к нему, в метро хотелось взять его за руку. Нельзя. Девушки так не делают. Стояла в стороне. Он смотрел на меня. Иногда — смотрел так, что приходилось отводить глаза. Что это?

У Димульки всё было культурно. Играла. Кто-то пил, но тихо. Я играла немного, больше молчала.

После шахмат мне постелили в отдельной комнате. Я легла под тонкую простынь. Из открытого балкона доносился тёплый ветер, продолжала стоять жара.

Кто я? Что я? Красный диплом. Работа. Родители. Сестрёнка. Подруги. Почему я одна? Гордая такая? Кому нужна эта гордость? Мне двадцать один, и всё, чего я хочу, это спать на руках. Но разве по моему поведению кто-нибудь об этом догадается? Ни-ког-да. *Так держать!*

«Ты неприступная». «Ты со всеми молодыми людьми так общаешься?» «Может, бросишь эту работу?» «Да, с тобой очень трудно». «Ты очень капризная». «Очень красивая, но терпеть невозможно!» «Ну и характер!» Разные люди говорили мне.

Ну их... Они не понимают...

Я не буду такой. Я буду тёплой, родной. С кем?

Может, он? Конечно, нет! Абсурд. Да и кто он? Я даже не знаю, кто он. Только имя. Саша Демидов.

Если он войдёт и спросит, с кем я буду спать, я скажу ему — с тобой.

Вот ведь глупая голова! Конечно, он не придёт. Мы даже не разговаривали. Там шахматы. Никто не спит с незнакомой девушкой в гостях у друга. Можно смело засыпать. И неплохо бы вести себя поприличнее. Что это я делаю тут ночью с малознакомыми людьми? Дура. И думаю всякие глупости. Балда.

Дверь открылась. Димулька:

— Тебе дать одеяло?

— Нет, спасибо!

— Ну, спи. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Ушёл.

Балда.

Балда-балда-балда...

Дверь открылась снова...

Он, тихо, присев ко мне на кровать:

— С кем ты будешь спать?

Я ждала этот вопрос. Я знала ответ.

На утро я сразу собралась домой. Я знала, что ничего не выйдет. Никогда. С таким парнем у меня ничего не может выйти. Да и за кого он меня теперь держит? Лучше не знать...

— Ты будь с ней поосторожней. У тебя нет шансов. Ты вообще знаешь, кто она? Забудь, — сказал ему наутро Димулька.

Он смолчал.

Через неделю я переехала к нему. Через четыре месяца мы поженились.

2

Через год хотелось развестись. Полное непонимание. Но не вышло. Времени не нашлось сходить в загс: работа оставляла время только на сон. Как же секс? Какой секс? Мы уже и слово такое забыли. При наших-то работах. А потом — проблемах. А потом... промолчу.

А потом — неожиданно — дочка. Мы оглянулись назад, когда уже была Машенька.

Зачем объяснять, как так вышло? Вот вышло и всё. И ей уже полтора года. Сразу.

Она кудрявая и улыбается. Но очень боится. Поэтому сидит одна. Я ищу контакт, но как его найдёшь? Я умею говорить только о работе. А о жизни, как оказывается, всё ещё нет. А она не умеет говорить вообще.

Мы с ней знакомы только месяц. Вся жизнь по-новому. Она маленькая, и я не знаю, что у неё внутри. А я взрослая, но совсем не знаю, что с ней делать. И это длится и тянется. Недели и месяцы.

Долго...

Что такое приёмные дети? Это дети, которых выбираешь ты, и которые совсем не сразу выбирают тебя. Ты можешь любить, а они — смотреть большими глазами и отходить в сторону. Ты будешь не понимать, переживать, искать, терзаться. Злиться, беситься, реветь. Ты будешь делать предположения и каждый раз ошибаться. Ты

будешь очень правильно искать подход. Обсуждать с мужем. Плакать по ночам, а успокоившись, молиться. И тебе будет невыносимо сложно. Но ты победишь, когда бросишь всё, сядешь дома, выключишь свою кипящую голову и ощутишь внутри себя тишину. Тишина подскажет тебе слова. Очень простые, но самые верные:

— Поиграем в дом на деревьях, хочешь?

Она подняла на меня голубые глаза.

— Давай?

— Угу.

Мой волк взял в лапы косу и пошёл косить козам траву. Она смотрела.

— Нет. Это делает тётя.

— Тётя устала. Сейчас косит волк.

— А тётя?

— Тёте мы сейчас постелем постель. Поднимай лестницу на второй этаж. Смотри, вот её кровать.

— Это будет одеялко.

— Да, это будет одеялко.

— Ты тоже спишь, когда устаёшь?

— Да, иногда хочется.

— И Тося спит?

— И Тося спит.

-
- И Маша спит?
 - И Маша спит.
 - А братик у меня будет?
 - Угу.
 - А когда?
 - Мы думаем.
 - Птицы не едят цветы.
 - Они несут их оленёнку. Как в Бэмби.
 - Хорошо.
 - Машка, что на ужин?
 - Я не люблю картошку.
 - Макароны?
 - Да.
 - И больше без тыквенного супа?
 - Да.
 - Ты прости меня за этот суп...
 - Да.
 - Пойдёшь на руки?
 - Да.

А потом ты берёшь на руки. В тысячный раз на руки. Но уже чувствуешь, что ты нужен этому ребёнку. Нужен.

Наверное, пока нет чувства, что нужен, внутри всё время у родителя будет болеть. Но когда вдруг нужен, ты понимаешь, что это — шаг.

А пропасть уже за спиной.

3

Бабушка попала в больницу неожиданно. Она никогда не болела. Такое бывает, когда у человека регулярно что-то болит, но он по много лет не лежит, ходит, активен, делает кучу дел. А тут вдруг — больница. И, конечно, у близких шок.

Эта новость оглушила меня.

Всё детство мы общались каждое лето на даче: как две подружки, возились с ней на грядках и под кустами смородины, ходили в лес за черникой, крапивой для компоста и грибами. По вечерам купались в пруду. По ночам закрывали на зиму банки с вареньем и разносолами. По выходным пекли вместе плюшки и встречали родителей и мою тетю — я очень её люблю — Веру.

Тося много пела и рассказывала мне про свою жизнь. Мне казалось, уже нет историй, которых я не знаю. И про голод в детстве, и про страшную войну, знакомство с дедушкой, его контузию на фронте, переезд на Камчатку, рождение тёти Тани, Веры, потом мамы, возвращение в Москву. Дедушкину работу и бабушкину работу. Дедушкину болезнь. Дедушкину смерть. Восемнадцать лет без дедушки.

А в августе я приезжала в Москву. И почти сразу забывала о бабушке до самого мая. Звонила лишь на день рождения и Новый год. Она переживала, почему я так. Она спрашивала. Я отмалчивалась.

Я сама часто спрашиваю себя — почему я так? Словно две разных жизни. В одной жизни нет места учёбе, школе, переживаниям. В другой — бабушке... Глупо.

Потом, уже в старшей школе, я совсем перестала ездить на дачу. Бабушка возилась там с Настей, Вериной дочкой, рассказывала ей те же истории, пела те же песни. Ещё говорили обо мне.

А я не приезжала. Не звонила. От мамы лишь слышала, как там дела.

И вот мне уже двадцать четыре, у меня муж, дочка. Мы часто ходим к бабушке в гости. Она кормит нас и подробно расспрашивает, как мы живём. Ей уже семьдесят девять лет. А она всё бегает, готовит, моет, убирает. Каждый день делает зарядку. Весь дом на ней, Вера работает, Настя — в школе.

И вдруг она падает в обморок и попадает в больницу.

Страшно. Одна операция за другой. Мы все дежури́м возле неё по очереди.

Почти нет надежд, через пару недель её выпишывают... умирать. Врачи так умеют. Даже, наверное, это не их вина. Просто медицина почти ничего не может...

Я забираю бабушку к себе. Так легче всем. Мы много говорим. Опять вспоминаем жизнь. Но вспоминаем её уже иначе, обсуждая вместе, ища выход там, где он был не виден. Ходим гулять, едим. Едим всё подряд, потому что, если уж всё равно умирать, зачем есть геркулес, когда хочется селёдки? Ничего не болит. Верим. Очень просим. Смеёмся. Болтаем обо всём.

- Ты бросила работу?
- Взяла отпуск.
- Ты смотри, не бросай.
- Ладно-ладно...

Бабушка мечтает выздороветь и поехать в Алабухи — свою деревню в Тамбовской области, откуда она родом. Всё рассказывает мне о ней, о том, как на пригорке стоит дом её деда, раскулаченного после революции. И в нём огромный сад с вишнями и яблоками.

— Я тебя отвезу туда. Даю слово! Ты только встань!

— Уж я встану! Умирать не хочется, — смеётся она.

Тося учит с Машей буквы и сидит с ней, пока мы оформляем документы на Лёшу.

— Ну-ка, дочурк, смотри, что мы выучили без тебя!

И Машка гордо под сияющим взглядом моей бабушки читает слоги по карточкам, рассыпанным у бабушкиных ног.

Хвалю обеих.

— Ну что, гулять?

— Гулять!

Хорошо, что лето. Всё легко. Бабушка шагает, присаживаясь на стул, когда устаёт. Она кряхтит — я поддерживаю. Она капризничает — я подтруниваю. Она улыбается — я целую.

Бабушка вдруг становится мне просто Тосей. Родной, любимой, единственной Тосей на свете. Мы говорим про всё: про мужчин и секс, детей, роды, мечты, переживания, надежды, войну, мир, Бога и церковь.

Продолжаем говорить. И живём так два месяца — душа в душу.

— Дочк, вот ты беременна. И ещё мальчика берёшь. Ну, куда? Квартира маленькая. И я — обуза.

— Нет-нет, Тось, ну какая обуза? Ты встанешь и будешь помогать мне. А если захочешь, то вернёшься домой. Ты не переживай. Мы же друзья с тобой.

— Сложно тебе. У тебя большое сердце. И Саша у тебя молодец. Ты его береги.

— Берегу.

— Может, не будете пока мальчика брать?

— Будем. Мы уже его любим, бабуль.

— Подумай, — она качает головой. Обычно она принимает решения сама. Сама всё знает и сама всё делает. Но тут мой дом и моя жизнь. Она очень аккуратно советует и не лезет дальше. Я вижу, что ей сложно. И я дорожу тем, что она уважает мой мир.

— Ты всё-таки бросила работу?

— Ну да. Куда она мне?

— Эх, из-за меня...

— Нет! Это было правильно.

— Давно?

— Сразу. Только ты не переживай.

— Не была в отпуске?

— Пока ты была в больнице.

В одно утро я нашла Тосю без сознания. Это оказался инсульт.

Через неделю она умерла, так и не приходя в себя.

В день смерти я с обеими Машами — сестрой и дочкой — поехала в зоопарк. Было жарко, надо было куда-то вывезти детей, чтобы не сойти с ума в квартире. Не знаю, что думала о нас Тося, глядя на нас сверху. Но в тот день мы смеялись и ели мороженое, смотрели обезьян и горных козлов, красных волков, жирафов и огромных бабочек. Маняшку забрали родители, Машенька легла спать, а я пошла рыдать к Сашке на руки.

— Ну, мы всё равно молодцы. Два с половиной месяца — это победа.

— Саш, я обещала ей Алабухи. Так и не отвезла.

— Она теперь сама как-нибудь их посмотрит.

— Да...

Мы похоронили Тосю в любимой ею Истре, рядом с дедушкой. Все плакали. Я стояла с мраморным лицом. Внутри не было ничего живого. Только дочка заставляла жить и смотреть по сторонам.

Прошло шесть лет. Моя бабушка давно умерла.

А Тося живёт каждый день внутри меня. Каждый день!

4

Маша в один день стала большой. Ей уже два с половиной года. Она добрая, совершенно домашняя, с глубокими голубыми глазами. Белые кудри колечками падают на плечи. Улыбка до ушей.

Она поправляет Лёше рукава и подаёт ему ложку. Маша теперь *старшая сестра*. (Звучит, правда?)

— Кунь? — спрашивает Лёша.

— Да, сынок, будем кушать...

— Мунь?

— Кашу!

— Касу! — подхватывает Маша и сияет.

Он тоже улыбается. Такой маленький, кирпично-рыжий с толстыми-толстыми щеками.

Кунь мунь! Кунь мунь! Это счастье!

Лёша никогда не плачет. Он только закрывает ладошкой глаза и стоит молча. Маленький, на полголовы ниже Маруси.

Это мои дети. Я читаю им после завтрака, а они тихо играют на полу. В комнате тепло и просторно. Солнце ярко

светит, но уже не греет. Осень скоро нахмурится и польют дожди. Здесь так хорошо. Дети возятся рядом со мной. Мои дети. Мои родные, любимые дети...

Я мама. Такая глупая... Непутёвая! Что я могу? Умею? Что я им дам? Господи, скажи, у меня получится? Я не знаю...

Мои дети...

Их мамы... родные... как они? Я их не осуждаю, нет. Я их благодарю. Каждый день!

Мне очень хочется, чтобы им было не страшно. Я представляю себе молоденькую девочку на заработках в чужой холодной Москве. Она так уязвима! Кто ждёт её? Кому она нужна? Она одна везде — и тут, и у себя в голодной глубинке. Что за ужас внутри заставляет её отдать единственное родное существо? Девять месяцев переживаний, надежд и страха. Миг ада. Век не утихающей боли.

Куда ей сунуться? В роддом, где она родила? В детдом? Сколько стыда пережить? Взглядов, осуждения и издёвки? Сколько страха? И каков результат?

А ребёнок — если он ещё там, счастлив ли он ей, или она стала для него во-

площением предательства и зла? А если он в семье, то там она точно уже никому не нужна...

Внутри всё болит. Она мучается. Легче не думать. Наше общество не поймёт её никогда, мы пропускаем таких женщин через жернова презрения. И ей легче будет прятаться в толпе и пытаться строить новую жизнь, опускать глаза и переключать канал, когда по телевизору показывают детей из детских домов.

Куда благороднее выглядят мамы на каблуках, за ручку ведущие детей в садик. Муж, ребёнок, работа. Летом — море, в выходные — парк.

Мы осуждаем тех, кто родил и бросил, а сами тихо делаем аборты и никогда об этом ни с кем не говорим. Боже! Это вообще что такое происходит в наших помутнённых головах? Как всё это возможно?

Я много думаю об этом. Я никогда не делала абортов и не оставляла детей. Бог миловал. Но я несу другие камни. И я знаю, каково это — нести их.

Как мне хочется уберечь от любых камней, тем более от таких страшных, каждую молоденькую девочку и не молоденькую тоже!

Каждой сказать:

Солнышко! Не бойся! И никого не слушай, кроме своего сердца! Люби, береги, рожай. Нету папы? Будет! Нету денег? Придут. Будет помощь, будет хлеб и одежда. Но жить с камнями на душе — так страшно! Это намного страшнее, чем тебе сейчас. Снять их с себя — равносильно тому, чтобы вылезти из кожи вон...

Ах, Москва, которую я так люблю с детства! Ты сегодня сытая, яркая, увешана бриллиантами, утопаешь в роскоши и излишествах. Ты всё ищешь и думаешь, как подняться выше? Куда вложить деньги, чтобы они вернулись? Всё внимание твоё приковано к фондовым рынкам, недвижимости и нефти. Ты хочешь могущества и славы!

Не туда смотришь, глупая! Посмотри, сколько девочек молодых и одиноких пытаются выжить в тебе с ребёнком на руках! Помоги! Открой глаза! Вот твоё будущее! Наши дети! Их счастливые мамы. Вот кто поднимет и прославит эту страну! Ты только заметь их, помоги им, пока не поздно... Не опоздай, Москва!.. Не опоздай...

5

Настя родилась дома. И сразу — пять килограммов. Мы вообще-то ждали Илюшу, девочка оказалась огромным сюрпризом. Пять килограммов были не меньшим сюрпризом. В итоге, получилась девочка-богатырь.

— Ну, как Илюху теперь назовёте? — спросила Сашу моя подруга, смеясь.

— Думаем, — ответил он.

Пока я была беременна, мой родной отец несколько раз ходил в церковь, просил внучку, и чтобы я назвала её Настенькой. Он был счастлив услышать, что Илюша — девочка.

— Слава Богу! — кричал он в телефон.

— Наверное, Настенькой назовём...

— Отлично! Я согласен!

Потом его мама, моя бабушка Аня, рассказала мне, что как раз о Настеньке он и мечтал.

Я помню, когда ей было три месяца, я сфотографировала Машу, Лёшу и Настю вместе. Они утром валялись под одеялом в нашей спальне. Я тогда впервые ощутила, что они единое целое. Две сестрёнки и братик. До этого каждый был со

своей историей и со своим подходом. А тут прямо как озарение: *у меня трое детей, их зовут Маша, Лёша и Настя*. Маша, Лёша и Настя, — это звучало коряво внутри меня. Я запинаясь. А потом вдруг превратилось в Маша-Лёша-Настя. Даже в Машалёшана-стя. Пришлось отделять их друг от друга и искать к каждому свои чувства и свои слова.

6

Вся жизнь женщины крутится вокруг детей. Всю жизнь ищешь слова, силы, время, деньги — и всё для них. Всю жизнь вкладываешь и всю жизнь видишь свои ошибки, печалишься, даже обижаешься, а потом встаёшь и ищешь новые пути. И каждый раз, когда ты находишь — это оказывается один и тот же ответ — твоя любовь, твой собственный пример, твоя забота, твои шаги к ним и ко всем людям, потому что шагать к одним и не замечать других невозможно.

И так в два года, когда идут капризы из-за супа и дневного сна. И в пять, когда «купи-купи» и «включи мультик». И в семь про уроки и PSP. И в девять про планшет и помощь по дому, а ещё те же уроки, ко-

торые никто не отменял. Так будет и в двадцать пять про что-то другое — я пока не знаю про что.

Вот так всю жизнь крутишься, ищешь, опять теряешь и... находишь ли? Мы с мужем вместе всегда на этих этапах. Иногда мы помогаем друг другу. Иногда боюсь, не мешаем ли мы? Всё на грани. Все отношения всегда на грани. Так легко шагнуть не туда. Обидеть, обидеться. Сколько дней в нашей семье мы сломали из-за одного неаккуратного слова, обиды другого, встречной обиды первого? Сколько дней мы спасли, промолчав, но обняв и почувствовав, и простив?

Дети. Дети. Свои и не свои. Сначала делишь их. Потом ловишь себя на том, что все равны. Так страшно за них. Ведь в каждом окне, что загорается вечером, — я точно знаю — сидит взрослый, чаще мама, и ищет внутри себя, как спасти и уберечь, и сохранить, и приумножить то хорошее, что есть в её малыше.

А мир — мир он другой, словно в нём совсем другие люди. Вы замечали? Он враждебный, алчный, вероломный. Такой жестокий. Нет, я не хочу, чтобы наши дети в нём пообтесались и нашли себя. Я

хочу, чтобы они принесли в него свой мир и нашли тех, кому он окажется дорог, с кем можно будет его разделить. С кем можно говорить, кого можно любить, за кого можно отдавать жизнь, не задумываясь.

А иногда я думаю: как умирать? Хорошо, если дети будут настоящими, тёплыми. Если шагнут туда, где ты не был никогда. Если внуки пойдут ещё дальше. Тогда не страшен ни паралич, ни старческая немощь. Можно умирать радостно: будет, что Богу сказать, и за детей спокойно. А если нет? Тогда не знаю. Тогда страшно...

7

Год назад летом Лёша нашёл на улице стрижа. У него было сильно перебито крыло, он почти не открывал глаз. Но мы прооперировали его в клинике, и он потихоньку стал ходить по клетке, реагировать на голос. Кормить его приходилось насильно, ведь стрижи едят насекомых в полёте. Если эта птица не летает, то она не ест и не живёт.

Одной рукой мы держали его, другой — открывали клюв, третьей — закладывали живого сверчка в рот, четвёртой — были

готовы поправлять сверчка, чтобы тот не ускакал, и прикрывать рот, чтобы стриж глотал.

Когда Саша был дома, у нас были четыре руки. Когда он уходил на работу, две дополнительные руки мне обеспечивал Лёша. Исправно три месяца подряд он кормил со мной нашего стрижа каждые три часа, кроме ночи.

— Мам, сложно...

— Сложно. Но не накормим — умрёт.

— Накормим. Я же с тобой.

Мы назвали его Беззубиком. Совершенно чёрный, с чёрными глазами, маленьким клювом, но гигантским ртом, он был похож на дракона из мультфильма.

— Он полетит?

— Он полетит. Мы всё сделаем.

Мы стали разрабатывать крыло, как только орнитолог снял повязку. Через месяц Беззубик мог уже махать им, но не раскрывал его. А наша Холли — совершенно невоспитанная красавица-корелла — дразнила его: летала возле него, свистела ему в ухо, ела его мучных червей и всячески привлекала его внимание. *Ты только посмотри, как я хороша!* — говорил весь её вид.

Я обожаю Холли. Но в такие минуты я хотела прогнать её и дать ему, сильному и свободному, временно (временно?) прикованному к земле, к клетке, к людям чувствовать себя не таким уж и немощным. А всё-таки имеющим шанс. Она же вносила невыносимую неловкость.

Когда ты немощен, очень важен шанс. Им живёшь и дышишь, даже если он крохотный. Но иногда бывает, что шанса уже нет. Тогда ищешь другие плоскости. В них — *иные* возможности себя реализовать. И у человека такая плоскость есть всегда — это его душа и человечность. Работать над собой можно и без рук, и без ног.

А у птицы? Птица остаётся в такой ситуации без шансов.

Беззубик так и не полетел.

Однажды он перестал есть и через сутки умер на моих руках.

Слёзы текли, а внутри я чувствовала — не дотянула.

Он полетит. Мы всё сделаем, — звенело в ушах.

Саша обнимал. Маша молчала. Настя задавала вопросы. Лёша рыдал тихо, и мне было страшно за него. Жёлтым карандашом он нарисовал Беззубика, и ри-

сунок долго ещё висел у нас над тем местом, где стояла клетка.

8

— Ты купишь мне скрипку? — большие голубые глаза прямо в глаза, чтобы мне не уйти от ответа. — Купишь скрипку? Мама!

Так разговаривает со мной эта пятилетняя девочка. Настя. Вот уж правда! Чего сейчас не хватает мне для счастья, так это отдать её на скрипку. Тогда все попытки как-то упорядочить наш день и иметь пять минут времени на посидеть на стуле и ощутить себя целостной и живой, рухнут как карточный домик. Завтракать в пять вечера стало для меня уже нормой.

— Купишь?

Я жую что-то безвкусное и смотрю на неё. Длинные белые волосы, ровная чёлка. Прямой взгляд и попробуй только не ответить на её вопрос.

Легче всего ответить прямо: куплю. Правда, это дешевле, чем спорить и объяснять. Её не переспорить. Это было невозможно в пять месяцев, а в пять лет и того подавно. Я смотрю на неё и молчу. Но тут не нужно слов. Настя, как и все мои дети, прекрасно читает по глазам.

Мой карточный домик разлетается, и я покорно принимаю этот факт. Я мама. Я всегда всё пойму и приму. Это моя работа. Скажите мне, что это легче, чем возвести стену из кирпича или играть на флейте, и я... улыбнусь. У вас просто не было детей.

Настя всегда учит меня принимать мир в самых необычных его проявлениях, а точнее её фантазиях. Принимать быстро и безусловно.

Когда-то она приучила меня к собиранию всех камней и палок в парке и аккуратному раскладыванию этих сокровищ в детской комнате. В два года она была готова часами смотреть «Евровидение» и петь, не позволяя переключить на мультфильм для Маши и Лёши.

Ещё был период, когда она доставала вещи из шкафа, все подряд, руководствуясь самой непонятной логикой на свете, и складывала огромные кучи из трусов, кофт, книг, открытых фломастеров, стаканов и кукол. Эти кучи должны были лежать в определённых местах и самым определённым образом. Их нельзя было ни перемещать, ни переключивать, ни за-

бирать из них никакие предметы. Любые изменения мгновенно замечались и карались созданием новой кучи в самом неудобном месте из самых несочетаемых вещей. Мы имели право только аккуратно обходить их, не задевая.

Настя подарила мне счастье кормления грудью. Всю беременность я молила Бога, чтобы у меня было молоко. *Господи, помоги мне! Я буду кормить ребёнка столько, сколько он захочет, главное, дай мне, пожалуйста, молоко!* Но это счастье было настолько активным и обязательным, что до трёх лет задранная футболка в трамвае считалась нормой. Я научилась смотреть сквозь других пассажиров и вести себя непринуждённо в самых курьёзных ситуациях, которые раньше поставили бы меня в тупик и бросили бы в жар.

Господи, ей скоро четыре. Пора бы давно бросить. Помогите, пожалуйста, помогите...

— Она бросит, когда ты успокоишься, — сказала мне подруга.

Настя бросила в четыре с половиной года, когда, действительно, моё отчаяние сменилось смирением и равнодушием к этой теме. *Пусть сосёт до свадьбы. Там разберёмся.*

Сейчас ей пять. Я пью чай на кухне. Мы вышли из дома в девять и только вернулись домой.

— Мам, ну что? Купишь скрипку?

— А играть будешь?

— Буду.

— Тогда куплю.

Она целует меня в щёку и убегает к собакам. А я тихо допиваю чай. Два года в подготовительном классе музыкальной школе. «Анюта, это просто для развития», — сказала мне мама. Разве просьба о скрипке теперь должна быть неожиданной? Мы к этому сами шли.

Хорошо.

Пора думать об ужине.

9

Маша у нас попробовала всё: плавание, танцы, конный спорт, рисование, театральную студию, музыку. И вот теперь, наконец, мы пришли на лёд.

— Мам, я буду!

После первой тренировки я надеялась, что она бросит. Тяжёлый труд, опасный спорт, слёзы на растяжке. Нет, это не для нас.

— Когда мне приходиться? — спросила она тренера в конце, шмыгая носом и потирая ноги.

— Завтра. В это же время.

— Может, не надо? — спрашиваю по дороге домой.

— Мам, я хочу.

С ней всегда короткий разговор. Машка почти ничего не просит. Но если просит, то отказать не получится. Она не будет ныть или ходить за мной, как Настя. Она будет молчать, а я внутри буду чувствовать, что она ждёт ответа. Так получилось с фигурным катанием.

Каждая тренировка была тяжёлой, обычно со слезами на растяжке. Каждый раз по дороге домой я просила больше не приходиться. И каждый раз я слышала: «Нет, я хочу».

Шли недели, слёзы кончились. И вот я сижу на катке, и на льду моя Маша — ещё корявая, но уже едет, поднимает ножки, а сама светится. Лёша с Настей бегают по ступенькам, а я сижу и думаю.

Господи, это её?

Как же сложно! Ошибиться нельзя. Отнять мечту — нельзя. Закабалить в спорте

или учёбе — нельзя. Вырастить ленивым — нельзя. Отнять свободу выбора и решить за ребёнка — нельзя. Пойти на поводу — тоже нельзя. И каждый раз — мои знакомые грани. Чувствую заново, заново, заново.

Чувствую-чувствую-чувствую. И ошибаюсь. И чувствую вновь.

10

Лёшка у меня очень... Лёшка. Тут, в общем, и других слов не подобрать. Он сильный. Крепкий. Весь в мышцах.

Невысокий.

Худой. Рыжий. Ему семь лет. Он раньше был кирпичный, теперь золотой. Тоже в веснушках, как Маша. С глубокими серо-зелёными глазами. Иногда он серьёзный. И тогда я люблю с ним порассуждать. Он слушает и говорит своё очень важным и размеренным тоном.

— Ты пойдёшь на мои соревнования?

— Конечно! Почему ты спросил?

— На Машины ты не ходишь.

— Лёш, они всегда проходят очень рано. Маша обычно уезжает из дома в 5:30. Я не могу оставить всех вас и поехать с ней. И мне жаль, что я не могу посмотреть на неё.

— Она поедет посмотреть, как я прыгаю?

— Да. И Настя тоже.

— Хорошо!

— Мам, это моя доченька. Я её сейчас покормлю, потом сам.

Лёша показал мне свою куклу. Голубое платье. Длинные волосы. Наверное, Настя причесала их в косу.

— Ты с куклой?

— Ну да. Нельзя?

— Можно. Я просто удивлена.

— Ну я редко играю в куклы. Но сейчас захотелось.

Вот уж и, правда, редко.

В первый раз вижу.

В спортзале было очень душно. Мы сидели мокрые от духоты, выпитой воды, и почти отчаявшиеся. Кто бы знал, что в спортивной школе столько народу, и все сначала должны распрыгаться, а потом только прыгать. Лёша был ближе к концу, перед ним человек сорок.

Всё печенье было съедено, коробка с орехами пуста, девочки ползали по мату с другими детьми, хихикали и дрались пустыми бутылками. Я уже боялась, что они пропустят Лёшу.

Первую комбинацию он отпрыгал достойно. Я ждала, что поставят семь и шесть десятых или семь и восемь десятых балла. Но поставили восемь и шесть. Это больше, чем я могла мечтать. После второй комбинации моё сердце билось сильно — он отпрыгал очень чисто! Судьи совещались. Почти спорили. Секунды тянулись долго. Кто-то с трибун начал уже возмущаться, по рядам пошёл шёпот. Оценка семь и шесть взорвала трибуны. Но уже через мгновение гул стих, смотрели следующего ребёнка. А мы сидели, облитые ведром холодной воды. Тут без комментариев. Сердце всё стерпит.

Лёша ходил расстроенный и огрызался. Второй юношеский, такой возможный, уже был далеко. Разряд не дадут. Маша и Настя играли у меня в ногах, я искала слова, которые сын всё равно не слушал. Брови сдвинуты. Ни слова. На награждении опущенная голова. Вдруг — его фамилия. Второе место! Медаль, грамота! Я в последний момент вспоминаю про фотоаппарат, фотографирую его с чемпионом мира. Вот так да! Вот так Лёша! Сердце выпрыгивает из пяток и скачет в груди. Молодец!

11

Самое начало весны. Уже пару месяцев я прыгаю на батуте. Сет — четвереньки — живот — ноги. Сет — четвереньки — живот — ноги. Я прыгаю и чувствую, как внутри меня, очень статичной, даже за-костенелой, пробегает дрожь, и кровь пытается пробить блоки. Это немного страшно. Но это очень правильно. Жить с ними уже нет сил.

Кто я? Я прыгаю и спрашиваю себя, кто я? Я мама. У меня трое детей. Я жена. Но сейчас я просто прыгаю на батуте. Тупо. Без чувств. Только физическое. Я хочу посмотреть, чего же я могу. Могу ли я? Группировка — разножка — складка — поворот 360 — сет — четвереньки — живот — сет с поворотом — спина — сет — и опять группировка — разножка — складка и так дальше, пока выдержу. Это пока всё, что я могу.

Я хочу научиться делать сальто, как мой сын. Вперёд, назад, углом, винтом, фляк. Прямо на сетке, с натянутыми руками и ногами. И непринуждённо, словно всё получается само собой. Как делает сейчас он на соседнем батуте. И кричит

мне: «Мам, ты молодец!» Лёшка умеет хвалить. Он меня часто хвалит.

Я хочу научиться жить, чтобы не стыдно. Чтобы ложиться спать и не думать, не искать ответов, не сгорать от стыда и не прятать глаз. Тихо сказать Отцу спасибо-спасибо-спасибо и закрыть глаза. Помолчать. Отдышаться. Вспомнить смешное, повернуться к мужу и целовать его. Целовать его, как мы целовались десять лет назад на его старой съёмной квартире, терять голову и на утро почти не помнить, что было. Но потом вспомнить, не успеть улыбнуться и вдруг осознать, что вот она — вот она жизнь моя — такая круглая, такая естественная. Поцеловать спящего мужа. Побежать в комнату к детям, всех их целовать, целовать. Кто-то будет морщиться. Кто-то улыбаться. Кто-то сразу потянет ручки, кто-то откроет глаза и будет искать собаку. Как же я люблю их, Господи! Люблю их! И как же мне стыдно сейчас за всю свою... непутёвость.

Я хочу быть свободной! От своих комплексов, от своих переживаний. Я хочу меньше думать и больше жить! А сейчас

я прыгаю на батуте, с мокрой спиной преодолеваю себя саму. Я чья-то мама и чья-то жена. Я умею любить. Я учусь жить. А пока всё очень тупо и просто: сет — поворот — сет — четвереньки — живот.

У нас тут очень громкая музыка, такая громкая, что не слышно мыслей. Она громче моей головы. И это хорошо.

Буду прыгать!

Глава третья

1

Мы познакомились с Ваней банально. Был март. Мы приехали в детский дом помочь, а там он. Большой и взрослый. Красивый. Одинокий, но совершенно самодостаточный. Смотрит в глаза. Ничего не хочет, улыбается и чаще молчит. Скоро кончится чай, и мы уедем. Скорей бы. Тут очень неловко.

— Помогите ему с английским, — сказала директор.

С английским? Ух... Это не просто. Для этого время нужно, а у меня дети. Надо готовиться к урокам. Надо заниматься раза четыре в неделю. Как? Когда?

— Ване в институт поступать, а он английский не знает, — повторяет она.

Ну, не знаю, что сказать... Очень понимаю, но не знаю. Как преподаватель английского, я знаю, о чём они просят.

Саша смотрит на меня, и друзья смотрят. Я молчу. Пью чай.

— Да, я могла бы помочь, — тихо говорю я.

2

Он написал мне в скайп:

— Привет, ты можешь сегодня в восемь?

— Давай в девять. Саша будет дома. Он с детьми побудет, а мы позанимаемся.

— Хорошо. Тогда до девяти.

Мы стали заниматься каждый день. Всё пришлось начинать сначала. Он не знал алфавита, не мог читать простые слова. Запоминал плохо. Но на уроке старался, и я не унывала. Даже старалась его как-то поддержать. Как-то согреть.

После урока говорили о жизни. Сначала немного совсем. Потом это уже стало нормой. Про школу. Про Ванину маму. Она долго болела, потом умерла. Про семью. Про работу. Прощались, когда уже слипались глаза.

Саша в те дни вечерами много работал дома. Он даже был рад, что я тоже не сплю.

Мы ложились вместе уже за полночь.

— Ну, как Ваня? Как английский?

— Ползём.

— Соображает?

— Старается. Соображает ли — пока не поняла. Во всяком случае, всё делает, что я говорю. Не стесняется, повторяет по десять раз. Там посмотрим.

— Он как твои дети на уроке?

— Нет, медленнее.

— М-да.

— Что?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю...

Через пару недель я почувствовала, что мы движемся. Стали получаться предложения. Простейшие вопросы. Стали пополнять лексику, вставлять числительные, множественное число, цвета. Я выдохнула.

— Саш, вроде пойдёт.

— Правда? Ну, я рад.

Мы стали видеться с Ваней по выходным. Заезжали за ним, так уж сложилось, и брали на субботу и воскресенье к себе в деревню. Без ночёвки, естественно. Но езды от детского дома до дома моего отца не больше пятнадцати минут. Так что

утром забирали, вечером привозили обратно. Старались каждый день ходить в лес. Там ещё лежал снег по колени, хотя уже заканчивался март. Ваня с Сашей делали шашлык.

— Он, как родной, Саш. Всё понимает без слов. С детьми легко ладит. Играет с ними. Катает на санках.

— Да, классный парень.

— Когда ты отвозишь его обратно, мне тяжело на душе.

— Из-за него?

— Саш, он... наш.

— Ты же понимаешь, это невозможно. Да и взрослый он.

— Конечно. Я тебе свои ощущения говорю.

— Я понял.

3

Машка смеётся так громко и заразительно, что наблюдать за этим безучастно я не научилась. Я сразу хочу схватить её, закружить-закружить, она будет хохотать до колик, её и моих, а я потом буду целовать каждый её пальчик, каждую веснушку, каждую ресничку.

— Моя жизнь очень приятно складывается, — скажет она ласково, и ещё подмигнёт. А сама светится, сверкает глазами. Вот она какая — моя Машенька. Кожа тонкая, совершенно прозрачная. Каждую венку видно. Ножки точёные, все в мышцах. Волосы — пух. Сердечко бьётся. Сама маленькая, тоненькая, как в ней жизнь держится? А если скажет, то потом надолго запоминается.

— Я духом сильная.

— Наша семья теперь очень круглая, — выдала она в машине по дороге домой. Выдала и пошла смотреть в окно звёзды в небе и занавески в окнах. — Я люблю наблюдать.

Ваня как-то взялся отговаривать её от фигурного катания: тяжело, никакой личной жизни не будет, учиться не сможешь, ты же так физику любишь, математику, может, в физико-математическую школу пойдёшь? Маша всегда спокойно слушает такие разговоры, всегда даёт сполна спустить пар, сама изредка поднимает глаза, всё остальное время сидит внутри себя, словно у неё там музыка играет параллельно твоему тексту. А потом, когда ты за-

кончишь, она спокойно, почти не отвлекаясь от своего, говорит что-то типа:

— А мне нравится, — и, не предавая внимания твоим эмоциям, наслаждается музыкой изнутри. Так вышло и с Ваней. Он пришёл ко мне на кухню.

— Она не бросит.

— Я уже понял.

Вот и весь разговор.

Маша часто озвучивает мои мысли, мои знания, мои находки, а также и то, до чего я пока не дошла. Всё душевное я тихо варю в себе. Иногда пишу в интернете. Дома обсуждаю только с Сашей по ночам. Это моё богатство внутри, и я собираю его давно. Только мне тридцать один, а ей восемь. И как может так быть, что она уже всё знает? Где-то внутри себя.

Наверное, это и есть детская природа. Дети — естественное продолжение нашего духовного движения. Они стартуют там, где мы и не были никогда. Вот почему им так хорошо видна наша немощь, и осознание это граничит у них с недовольством нами, если мы, конечно, не пропитали их своей любовью в детстве. Это только звучит легко — любовь — а внутри так много граней и пластов, всю жизнь учишься быть мамой и любить.

4

Я перевела Лёшу в Машин второй класс. Это было почти как в тумане. Накануне друг, долго слушая мои рассказы про школу, Лёшу и наши проблемы в первом классе, наконец, сказал:

— Может, хватит? Сколько можно мучить парня? Забирай его оттуда.

Сказал — отрезал. Что было дальше, я не помню, но утром я поговорила со всеми, с кем нужно в школе, и вопрос решился неожиданно: мой первоклассник стал второклассником.

Лёша расцвёл.

Ни сложение двузначных чисел, ни умножение, ни деление не пугали его. Он не стал лучше учиться. Но в классе появились друзья. А ещё он влюбился в учительницу, и мы выдохнули.

Нестандартно получилось, конечно. Но стандартного варианта не нашлось.

5

Уже середина апреля. В городе сухо, а в деревне только тает снег. Купили всем резиновые сапоги, чтобы ходить в деревне в этой жиже воды, земли и глины.

— У меня столько грязи, можно КАМА-Зама вывозить, — шутит отец. Он тихо курит на крыльце. — Лёшка, а, Лёшк, мы с дядей Володей кур хотим завести. Ты что думаешь? Помнишь, ты в том году курочек просил? Дедушка всё помнит!

— Пап, зачем кур? Ты и так устаёшь. Кто же смотреть за ними будет?

— Эх, ты, дочк... Ничего не понимаешь! Это для Лёшки!

— Курочек? Я хочу! Маша, Настя, дедушка кур купит! У нас свои яйца будут!

— Ура! Класс! — визжат девочки, мажут в грязи палки, ими рисуют на лице. Лучше не смотреть.

Дедушка смотрит на меня торжественно. Он победил. Пусть заводит кур. Что я могу сказать?

— Ань, мы сегодня пойдём в лес? — Ваня несёт на спине Настю.

— Ты сам как хочешь?

— Да, давайте сходим.

— Ну хорошо. Тогда одевайтесь.

— А шашлык будет?

— Если съездите с Сашей за мясом, то будет.

— Я готов.

Ваня уходит за курткой.

— Мам, а мы можем забрать Ваню?

— Лёш, нет. У нас нет места в квартире. Пятеро человек, две собаки, попугай и две белки — мы еле помещаемся. Ты же знаешь.

— Жалко.

Через неделю отец купил кур. А я... я пошла думать, чувствовать и искать.

6

— Саш...

— М-м?.. Что?

— Работаешь?

— Да. Заканчиваю почти.

Он смотрит в свой ноутбук, не поднимая головы. Я жду. Жду и молчу.

— Что ты хотела?

— Ничего...

— Ничего? Ты что-то хотела. Иди ко мне, — он обнимает меня. Когда он обнимает меня, я верю, он всегда меня поймёт. Что бы ни было.

— Саш, давай Ваню заберём... навсегда.

— А он бы хотел?

— Думаю, да. А ты?

— А жить как?

- Как-нибудь... А без него как жить?
- Давай подумаем.
- Боюсь думать. Засыпаю на руках.

7

- Саш...
- М-м...
- Ты закончил?
- Почти. Тут немного. Ты идёшь в душ?
- Я хочу поговорить.
- Пять минут.
- Жду. Стучит по клавиатуре. Читает.
- Опять стучит. Кнопка. Закрывает ноутбук.
- Саш?
- Ты про Ваню?
- Да.
- Ты понимаешь, он взрослый. Ему может быть сложно с нами в семье.
- Молчу.
- Давай спать.
- Нет, Саш, мы не договорили.
- Это всё очень сложно. Деньги. Ты только подумай.
- Я люблю его.
- Я люблю его. Я даже не знаю, что делать с этим. Я не знаю, что чувствует он. Точнее, они оба.*

8

— Давай заберём. Я согласен.

Это было больше, чем ледяной душ.

— Правда-правда? Или ты из-за меня?

— Правда-правда. Ну, сначала из-за тебя, — улыбается, — а потом сам.

Целую мужа. Засыпаю на руках.

Что теперь будет? Как? Когда? Где?

9

Начало июня. Жара. Хочется ливня. Мы все сидим в городе из-за моей автошколы. А так бы уже ныряли вовсю в деревенском пруду. Но пока только по выходным. В будни у нас Москва.

Мы гуляем во дворе. Я читаю про Гуль и Пашу² и хочу кричать на весь мир — *читайте все!* Есть книги и фильмы, которые должен прочесть или посмотреть каждый. Тогда наш мир изменится и повернётся лицом туда, где ему должно быть.

Лёша раскачивает девочек, а они на качелях, теребя босоножками землю, поют тихо песни про вечный двигатель и паповоз³.

² Речь идёт о книге Дины Сабитовой «Где нет зимы».

³ Сборник детских песен «Детская площадка № 1».

Всё тихо. Яркое солнце. Фиолетовое небо в преддверии ливня и густая, нависшая жара. Воздух виден невооруженным глазом. Мы отдыхаем в тени. Я на лавочке. Дети на качелях.

У Гуль и Паши умерла бабушка, а потом мама. Они ещё не знают про маму. Но уже больше недели они одни. Паша тратит последние деньги и уже не знает, чем кормить сестру. Ему тринадцать. Ей восемь. Такое же лето. Тоже город. Страшно. Ему пока нет — он ждёт маму. А мне уже очень — я знаю, что она не придёт.

Что такое мама? Кто она? Молодая девушка, только родившая лялю. Уже мама. Что она знает? Что она вообще может знать? Как можно сравнить её с той, у которой малыш уже ходит и тащит за собой паровоз и медведя? А ведь она для своей ляльки целый мир. И если этот мир отнять, то жизни нет лялке без мамы. А если тебе восемь или тринадцать? А если шестнадцать, как Ване? Об этом вообще лучше не думать.

Как жить без мамы?

Я смотрю на своих. Лёша гоняет на самокате, Маша бегаёт быстрее него.

Ищу Настю. Она за огромным кустом и кричит мне оттуда, поправляя отрастающую чёлку:

— Мама, они воры. Я полицейская (*кто сказал, что женский род тут не уместен?*). Буду их ловить! Меня не видно?

— Не видно!

— Класс!

Я почему-то вспоминаю Машино:

— Мам, я хочу тоже быть родной. Как Настя, — оно было очень тихое. Из-под одеяла. И было это пару лет назад. Оно напугало меня страшней любого грома. Страшней чего-то очень страшного.

— Ты роднее всех на свете. Запомни навсегда.

— Она оставила меня.

— И мы встретились. Иначе бы мы никогда не познакомились с тобой. Ты понимаешь?

— Я хотела родиться у тебя.

— Нет... Солнышко! Ты хотела меня найти. Ты сама так выбрала, просто не помнишь этого. Вы с Богом зачем-то так решили. И мы нашлись! Ты помнишь, как мы нашлись?

— Не помню.

— А говоришь не родная. Всю жизнь

ты со мной! Даже ничего не помнишь! Роднее всех родных! Ты моя. Вся моя, доченька! Отдам тебя только твоему мужу, и то если он нам подойдёт! — улыбаюсь ей, держу на руках, целую, пытаюсь шутить. Изо всех сил молю Бога, чтобы мой голос не дрожал. Она думает, она не такая родная. Знала бы она... знала бы она, что моё сердце сейчас вот-вот выпрыгнет наружу.

— Ну, как мои ногти? Под шорты? — эта девочка сейчас пьёт молоко рядом со мной на лавочке и светится. Я поднимаю глаза от книги. Ногти жёлтые, даже жёлто-зелёные. Шорты салатовые. То что надо!

Я улыбаюсь ей.

— А на ногах, мам?

На ногах всё ещё лучше: голубые ногти и голубые босоножки. Тон в тон. Случайность. Приятно.

— Да, ноги особенно хороши.

— Я люблю тебя! Мы воры! Настя теперь тоже вор! Класс, да?

— Беги!

Она бежит к своим. Их уже четверо. Ещё девочка пришла на велосипеде. А я читаю дальше. Думаю дальше. Люблю дальше. Дышу, наблюдаю и живу.

10

— Маш, а если мы заберём Ваню. Ты как?

— Мы такие счастливые с ним! Это будет здорово!

— А жить как? Как мы поместимся и вообще?

— Да, как-нибудь. Ты переживаешь?

— Переживаю. Не авантюра ли это? Он взрослый.

— Мам, ты чего? Конечно, нет!

— Ты говоришь, как большая.

Улыбается. Её улыбка успокаивает меня.

— Папа Бог не даст мне за это по шапке, как думаешь?

— Думаю, не даст. За что тут по шапке давать? Мы же любим его!

11

— Ань, помнишь, ты спросила меня по скайпу, хочу ли я жить с вами?

— Да.

— Я тогда спокойно сказал тебе: «Да, хочу».

— Помню.

— Знаешь, я потом долго сидел и думал: «Что же я такого сделал в жизни, что мне Бог так помог?».

— Иди ко мне. Я обниму тебя. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя. Очень-очень.

12

Все недели давно разделились на будни и выходные. В будни — старая жизнь впятером и сбор документов, в выходные — новая жизнь вшестером. Все ждут субботы. Пока была весна, заканчивалась школа, последние соревнования у Маши и Лёши, концерт у Насти, всё было активно, и мы оглядывались только к вечеру. День прошёл. Что-то сдвинулось: Саша где-то был, получил какую-то подпись или сдал анализы. Что ж. Будет завтра. Будет ещё шаг.

Сейчас, когда стоит лето, особенно тяжело. День делится на утро, когда приходят новости, и весь оставшийся день, который надо прожить, а уже сложно это делать без Вани. За окном жара без дождей. Здесь — книги. Книгами и спасаемся мы с Машей. Настя играет. Лёша пытался заниматься математикой, но бросил и уже неделю не подходит к столу.

Саша работает. Работает много и почти всегда в авральном режиме. Наше чтение на фоне его завалов выглядит саркастически.

— Помнишь, ты не хотела с Ваней заниматься английским?

— Что?

— Ну, помнишь, ты не хотела заниматься?

Как бы вообще жизнь сложилась, если бы я тогда отказалась? Голова взрывается от этой мысли. Нет, я бы не отказалась. Меня бы пнул кто-нибудь. Саша же пнул меня тогда! Не могло быть, чтобы я отказалась... Нет!

13

Лёша выделяет удивительные штуки на батуте: три комбинированных сальто вперёд подряд, сальто винтом в связке с сальто назад. Сальто углом назад. Сальто назад на спину в полтора оборота. Бланши. И всё на сетке.

Я не прыгаю. Сижу тихо на матах, смотрю на детей. Маша пришла сюда в гости и уже прыгает Лёшкины старые комбинации на разряд. Грязненько, конечно, но всё крутит. Настя: спина — живот — спина — живот, а потом тоже Лёшины комбинации. Не плохо для пяти лет.

В зале летает бабочка. Живая. Красивая. Откуда она тут только взялась?

А Ваньку нам на эти выходные не дадут. Он уже не в детском доме, а в лагере. И там своё начальство, свои правила и дополнительный кордон препятствий. *Вы скоро его уже совсем заберёте, потеряете, Анечка.* Это понятно. Но всё равно не понятно, почему нельзя.

— Но вы же приедете завтра ко мне на родительский день? — спрашивает он.

— Конечно.

Конечно. Приедем. Обнимем. Будем вшестером. Лёшка захочет мериться силой и драться. Настя — на спину и кататься по всему лагерю на шее. Маша — тоже на спину. Но она старше и скромнее, поэтому будет улыбаться и ждать, когда он сам возьмёт её на руки. А мы с Сашей будем счастливы, что мы все вместе. Он будет обнимать меня, и мы будем смотреть на наших детей.

14

Что такое отношения между людьми? Между взрослыми? Между взрослыми и детьми? Каждый день они требуют душевного вклада и труда, иначе чувствуешь, что что-то может сломаться, порваться, что что-то где-то можно упустить.

Мы десять лет женаты с Сашей. Были с ним на свадьбах и на похоронах. Рыдали от горя и плакали от счастья. Целовались дни напролёт и не замечали друг друга целыми днями. Было разное.

Но мы вместе.

Почему? Мы особенные — созданы друг для друга? Он особенный, и я с ним счастливая? Любая была бы счастлива с ним? А он счастлив со мной?

На днях я почувствовала, что наше вместе — заслуга множества факторов и обстоятельств. Во многом, это Сашино терпение и любовь ко мне. Ещё близость наших взглядов по основным пунктам — так, несомненно, легче. И всегда — это Божье проведение, Его невидимая рука, защищающая нас от острых камней.

Часто ли я сама сохраняю и оберегаю? Строю? Чиню, если сломалось? Могу только потупить глаза и задуматься.

Вот и с Лёшей также: я ленюсь. Он неправ, я обижаюсь. Он виноват, я отдаляюсь. Жду его шагов, извинений и перемен.

С Ваней я строю по кирпичику каждый день. Думаю, и он тоже. Но и с ним:

— *Ванька, запомни, я злюсь всего две минуты. Не больше.*

— Я уже понял. Но эти две минуты я не знаю, как жить.

И мне стыдно! Я не хочу, чтобы мои дети не знали, как жить. Чтобы ссоры со мной были болезненны и вообще были.

Я считаю себя хорошей и трудолюбивой, а отдавать сполна даже внутри семьи — не отдаю. То есть, раньше я думала, что отдаю и отдаю много, а сейчас я вижу, что приспособливаюсь и халтурю.

Могу погрузиться на эту тему, забыться и пойти жить по-старому.

А не хочу! Хочу внимательнее, теплее. Хочу согревать.

15

Что я дала своим детям?

Машу я научила только одному — читать. Всё остальное она просила всегда сама: и лошадей, и бассейн, и театр. Понимала, что это не её, говорила прямо, уходила и никогда не вспоминала. Шла вперёд. Спасибо Саше, были деньги, и мы, хоть и трудно, могли всё оплатить. Даже с физикой в прошлом году, хоть это и перебор, вышло так же. Она прочла энциклопедию и стала просить учителя. Где его найти — учителя физики к семилетней

девочке? Оказалось, не просто. Но он нашёлся. И по вечерам они решали дроби, изучали атомы, рассматривали Венеру в небе. Он даёт ей то, что я не могу ей дать. И Машка до сих пор горит, не гаснет.

Лёша другой. В спорте он многое может, а дома долгое время не понимал, что делать с игрушками. Он мог только разбрасывать и ломать. Уже Настя собирала пазлы, а Лёша нет. Всё, что он любит, это бегать в деревне в грязи или в снегу, ломать палки, бить крапиву, целовать собак. Зацеловывать собак.

В школе сложно. Оценки хорошие, но нет понимания, что это и зачем. Да, так учатся многие. Но это же трагедия, что многие так учатся. Мне кажется, что пока нет осознанности, как у Маши, в школе надо общаться, лепить из глины и иметь три физкультуры каждый день. На чтении пусть учитель сам читает и рассказывает. Показывает фильмы о природе и водит детей в парк. Появилась осознанность — приступай к учёбе. Иначе это предательская ломка детства.

Моему Лёшке надо жить в деревне, иметь рыжую кобылу и свору собак. Он бы

скакал на ней без седла, как он может, а собаки бы в пене с лаем гонялись за ним по полю. Потом он бы мыл свою лошадь, собак и мылся бы с ними гольшом под шлангом на траве, кормил бы их, вычёсывал и играл. Стрелял из лука по мишеням, развешанным повсюду, лазил на деревья проверить гнёзда прирученных птиц. Рисовал бы карты в своём доме на деревьях или спал в шалаше. А под вечер просто смотрел на звёзды. И пусть он никогда бы и не знал, как они называются, — он был бы счастлив жить такой жизнью. Это его жизнь.

Как этому мальчишке быть счастливым в московской квартире с паркетом? Он любит маму и папу. Он любит девочек, но это уже сложнее. Он очень любит свой батут, детский театр, вкусную выпечку и всех животных на свете. А вот зачем умножать пять на восемь, как это делать и для чего — он объяснит, но это такая для него глупость, что я каждый вечер смотрю на этого парня и спрашиваю себя: *а ты собираешься делать его счастливым? И как ты собираешься это делать?*

Он забирается на коленки и нежно целует меня. Лёшка ласковый. Тёплый. Но

уже отрастил колючки. И он показывает их мне, когда внешний мир взрывает его мозг.

Настя больше похожа на Машу. Осознанная. Очень добрая. Но она не тихоня. Машка — ураган сообразительности, грации и юмора. Настя — ураган действия. Очень ловкая, она может порезать салат в огромную миску на всю семью, может нарисовать, может написать. А вот прочесть — не может. Не хочет. И не будет. Как не будет причесывать волосы. Складывать игрушки. Ставить туфли на место.

Зато будет учить с сестрой английский и исправно делать все уроки по музыке.

Я смотрю на эту троицу и думаю: может, наше родительское желание что-то дать детям, вложить в них — это наивный миф? Что мы вообще можем им дать, существам, куда более чистым, высоким и совершенным, чем мы сами? Рассказать про мир вокруг и про то, как мы пытаемся в нём барахтаться? Им в три года всё ясно и видно, они уже знают цену каждому нашему слову и видят суть. Мы только мним себя воспитателями. В лучшем случае, мы можем заботиться и любить. В худшем, мы не можем ничего. Они идут вперёд сами.

Только путь их будет очень тернист, если мы не подсветим его для них. А для этого мы сами должны знать, куда идём мы. Как живём. Для чего и зачем.

Мы знаем это?

16

Уже июль.

С Ваней ничего не двигается. Документы собраны, но опека молчит. Когда он будет дома? Я волнуюсь. Очень волнуюсь. Боюсь. Молюсь. И стараюсь не впадать в отчаяние.

— Анечка, ты бы приехала ко мне сегодня. Мы с тобой сходим в отдел образования, поговорим. Ты расскажешь всё как есть. И может, это поможет, — голос директора детского дома звучит музыкой надежды.

Конечно, я съезжу. Женю попрошу, она посидит с детьми, и поеду.

Всю дорогу в Кр-ейск читаю «Три твоих имени»⁴. Это специально, наверное, мне попадают сейчас такие книги — про дет-

⁴ Книга Дины Сабитовой про девочку Риту. Замечательная книга!

ский дом, про детей, про их судьбу. Я плачу. Плачу из-за Риты — девочки из книжки. А на самом деле, я плачу из-за моего Вани.

Сколько раз ещё придётся вывернуть всю душу и всем прокричать: *Мы любим его. Нет, нам не нужна его квартира. Нет, мы не боимся его диагнозов. Да, мы знаем, что всё выглядит странно. Он нам очень нужен! Да, мы готовы. Нет, не страшно. Отдайте его, пожалуйста, нам!*

Вот и сейчас я еду, оставив своих малышей, к одной важной тёте — очередной тёте, и я буду стараться из-за всех сил не реветь. А сил уже и нет.

Риту вернула в детский дом её приёмная мама. Через два года. Ей надо было переезжать в другой город. И Рита опять тут. Опять тут. Наверное, это самое страшное в жизни ребёнка. Верить, а потом тебя предадут. Аккуратно так. Ставят обратно на старую полку, как надоевшую куклу.

Она даже не плачет. Что тут плакать? Просто всё выключено внутри. Это я читаю и плачу. Нету сил.

Приходят смс одна за другой. Это Ванька и Сашка: *Ты там как? Не волнуйся. Всё будет хорошо. Ещё немного осталось.*

У меня ласковый муж.

У меня ласковый сын.

Откуда он такой? Умеет говорить. Умеет чувствовать. Ведёт себя, как мужчина. Когда Саши нет рядом, всегда может по-мужски поговорить с Лёшей, развести для нас костёр в лесу и нажарить сосисок, в магазин сбегать и поиграть с малышами, если я отвлеклась.

Каждый день я молюсь за его маму. Каждый день я думаю, что бы было, если бы она была жива и здорова, а он бы жил дома. Но это глупо так думать. Так уже не будет никогда.

Лариса Константиновна — из отдела образования — поняла меня по глазам без слов. Я что-то говорила, а потом даже писала на имя главы администрации. Но её глаза смотрели на меня и говорили мне сами — *Вы не волнуйтесь. Я Вам помогу.*

Я вышла от неё. Внутри было тихо-тихо. Я смотрела в окно автобуса и ехала обратно в Москву: облака были кудрявые, словно утром. Плакать было невозможно. Это был штиль. *Отец, спасибо! Спасибо*

Тебе и ей. Я теперь знаю, она поможет. Спасибо-спасибо-спасибо! Я шептала всю дорогу домой.

Как раз дочитала про Риту. Её забрала из детского дома другая мама. И она теперь дома. У неё два брата, папа, мама и новая жизнь.

Когда уже и у нашего Вани будет новая жизнь? Брат, две сестры, папа, мама? Очень трудно ждать...

Но мы ждём!

Глава четвёртая

1

Октябрь.

Ванька дома.

Да!

Четвёртый месяц уже...

Ну, что тут ещё скажешь?

Могу только улыбаться и пожимать плечами... Вот так!

2

По вечерам после работы Сашка хитро щурится и смотрит на всех нас. А мы рассказываем ему, как прошёл наш день. И может, и не было-то ничего такого, но теперь у нас такое всё.

Каждая вещь имеет вкус и запах, не только цвет и форму, как раньше. Каждое слово имеет смысл. Каждый взгляд и прикосновение что-то значат.

3

Насте дедушка подарил настоящую скрипку. Страдивари. Мы приехали к нему в деревню, и Настя встречала скрипку стоя, аплодисментами, когда он спускался с ней в руках по лестнице со второго этажа. В следующем сентябре она пойдёт в первый класс музыкальной школы, а пока мы продолжаем ходить на сольфеджио, играть в ягуаров и печь оладьи папе, старшим братьям и сестре.

Маша катается каждое утро перед школой. Лёд нравится ей ещё больше, чем полтора года назад. Готовится к соревнованиям. Посмотрим, что будет. Как говорится, как Бог даст. По вечерам занимается алгеброй, геометрией, физикой. Глодает книги. Смотрит фильмы под чипсы. Играет с Ваней в солдатиков и на его спине скачет по всей квартире с победным криком «Ура!». Она ложится спать рано, пока мы ещё в спортшколе, оставляет мне записку

на столе. А я прихожу, целую её спящую, расспрашиваю Ваню про все подробности вечера и целую его.

Лёша сдаёт на первый юношеский, а Настя на второй. В школе он очень любит русский и английский. Всё остальное терпит. Иногда со снисходительной улыбкой. Иногда уже не может терпеть. Тогда просит третью собаку, горячий бутерброд с сыром, какао, а лучше — посидеть на руках. Получает двойки. Последнее время часто. Потом прыгает сальто и рисует мне нашу семью. Петушится с Ваней. Очень-очень смешно! Просит денег на пирожные. Ест сладкое килограммами. Продолжает просить живого коня к бабушке. Ставит на зарядку брошенный Машей мобильный телефон, когда она уже спит.

Ваня ходит в десятый класс, а ещё на курсы, футбол и иногда на батут. Влюблён в жизнь, в нас и совершенно счастлив. Перед школой наплавался в море и налазилась по горам. А мы все наплавались и налазились вместе с ним. Приходит из школы, всех целует-целует, в ботинках идёт на кухню (*Ваня!*), руками берёт со сковороды котлеты, мисками ест

жареные грибы, упаковками — копчёный сыр. По утрам учит английский. По вечерам смотрит с нами кино. Читает про Древнюю Индию и Древний Египет. Болтает с нами обо всём, когда малыши уже спят. Хочет быть археологом, но не знает, как ездить в экспедиции, ведь у него теперь такая большая семья.

Саша продолжает много и интересно работать. Он опять сидит по ночам, а мы с Ваней составляем ему компанию. Иногда по-мужски бурчит под нос, что неплохо бы помогать маме по дому, класть вещи на место и не ставить майонез на тетрадь. Стреляет с Ваней из лука, играет с детьми. Целует меня, когда ложится спать. Иногда очень нежно, и мы засыпаем сразу. Иногда так, что у меня кружится голова.

Я, как всегда, бужу Машу на лёд, гуляю с собаками, занимаюсь с Ваней и куда-то бегу. Я всё ещё не сдала на права, и чуть было не забросила эту книгу. Кручусь и стараюсь не упустить суть.

Я реже прыгаю на батуте, но чаще целую детей. Перестала плакать от усталости и научилась засыпать, едва оказавшись на диване. Я бываю напугана, недовольна, сердита, обижена. Но теперь целых восемь

рук, если нет Саши, меня хотят обнять, и я слышу целых четыре голоса: *Ну... всё же хорошо! Зачем ты так?* И после этого всё уже выглядит совсем иначе.

Наша собака Алиса скоро должна родить новых щенков. Буквально в конце этой недели. Наша бельчиха Изабелла тоже скоро родит бельчат. Она рождает часто, и в это время все наши друзья перестают ездить к нам в гости — так настойчиво дети предлагают им взять малыша. Наша красавица Холли ещё не отложила ни одного яйца, ведёт очень активный, но эгоистический образ жизни, и дети требуют срочно купить ей мужа.

Как же так! Холли тоже имеет право быть мамой!

Так мы живём. Каждый вечер я засыпаю на руках у Саши и говорю Богу: *Спасибо! Спасибо! Спасибо!* Извиняюсь за глупости и жду нового дня... Люблю, тревожусь, иногда боюсь. Живу.

Я не знаю, что будет. Я просто мама, которая, возможно, никогда не сделает сальто. Но у меня, как и у вас, есть дети, которых я очень-очень люблю. Для них всех

я хочу построить новый мир, открытый и тёплый, где ребёнок — личность, а не собственность амбициозных взрослых. Где нет детского рабства, но есть возможности найти себя, раскрыть и реализовать. Где ребёнок — высшая ценность на свете! А взрослый — вчерашний ребёнок, имеющий право на второе и третье детство! И почему бы нет? Я хочу так жить! Я с переменным успехом живу так в своей семье и приглашаю вас всех жить так, чтобы полёт был не только необычным сном из детства, а естественным состоянием наших Душ... и тел.

Октябрь 2012 г.

Содержание

Глава первая с. 3

Глава вторая с. 21

Глава третья с. 56

Глава четвёртая с. 83

www.nebej.ru

Литературно-художественное издание

Демидова Анна Алексеевна

Дневник одной мамы

Редактор *Эд Побужанский*
Дизайнер *Дмитрий Климович*
Корректор *Денис Ефимов*
Формат 105x165 мм
Тираж 150 экз.

ООО Рекламно-издательская группа «ОБРАЗ»
127591, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2,
бизнес-центр «Норд Хаус», офис 31-121,
тел.: +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89,
е-мэйл: 2234439@mail.ru

купикнигу.рф

izdaiknigu.ru

...Я просто мама, которая, возможно, никогда не сделает сальто. Но у меня, как и у вас, есть дети, которых я очень-очень люблю. Для них всех я хочу построить новый мир, открытый и тёплый, где ребёнок — личность, а не собственность амбициозных взрослых. Где нет детского рабства, но есть возможности найти себя, раскрыть и реализовать. Где ребёнок — высшая ценность на свете! А взрослый — вчерашний ребёнок, имеющий право на второе и третье детство! И почему бы нет? Я хочу так жить! Я с переменным успехом живу так в своей семье и приглашаю вас всех жить так, чтобы полёт был не только необычным сном из детства, а естественным состоянием наших Душ... и тел...